

Рождественская ночь въ деревнѣ.

(Картинка.)

Тихо... Необъятный небесный куполь смотритъ тысячами очей-звѣздъ на грѣшную землю. Очи-звѣзды струять тихій, кроткій свѣтъ...

Деревня спитъ мертвымъ сномъ. Избушки, какъ старые грибы, будто нарочно зарылись поглубже въ снѣгъ, — такъ-де теплѣе. Не слышно ни звука. Изрѣдка только морозъ злобно затрещитъ гдѣ нибудь въ бревнѣ старой избушки.

Пропѣли полуночные пѣтухи. Прошло съ часъ времени. Вотъ въ одной избушкѣ несмѣло блеснулъ огонекъ, потомъ въ другой, въ третьей,.. Освѣтилось десятка два избъ. — До заутрени недалеко,

кое гдѣ появились уже славильщики. Это особенно заботливые ребята: они не спали всю ночь, боясь проспять пѣтуховъ. Въдь Рождество бываетъ одинъ разъ въ году, а пять—десять копеекъ, которыя можно наславить, если встать пораньше, для крестьянскаго мальчика составляетъ значительный капиталъ. Въ другое время и копейки въдь негдѣ достать! — Въ инья избы ихъ не пускаютъ. „Куда лѣзете, оглашенные? Сейчасъ только пѣтухи пропѣли, до заутрени еще далеко.“ Приходится лукавить. „Нѣтъ, дяденька: сейчасъ ударятъ. Ужъ Вавилычъ прошелъ въ церковь, и у батюшки огонь“... — „Врете въдь! Ну, да Богъ съ вами, идите—прославьте Христа-Младенца,“ разрѣшить добрый хозяинъ и наградить славильщиковъ копейкой, а то и двумя даже. Но иной такъ и не впустить, не отпретъ. Ребята не гнѣваются, бѣгутъ скорѣе къ другимъ избамъ, гдѣ свѣтятся огоньки.

Съ дальнихъ концовъ деревни, глядишь бредутъ старики и старушки. Они до начала заутрени пока отогрѣются въ сторожкѣ

и пораньше заберутся въ цервовь, не то мѣста не хватитъ. А тѣ старички, которые ночевали въ сторожкѣ, давно уже встали, умылись, помолились и чинно сидятъ по лавкамъ или прямо на полу предъ ярко пылающей печкой. Грамотей по складамъ читаетъ четьи минеи.

Наконецъ загремѣлъ ключами старый Вавилычъ у церковныхъ дверей. Появляется огонекъ и въ церкви. Вотъ заблестѣлъ свѣтъ фонаря въ просвѣтахъ колокольни. Бумъ... раздался первый ударъ колокола. Бумъ, бумъ..., дрожа и переливаясь въ морозномъ воздухѣ, загудѣлъ ликующій праздничный благовѣстъ. Всѣ избушки разомъ освѣтились: будто старый Вавилычъ, какъ сказочный волшебникъ, чудеснымъ звономъ зажегъ огоньки по всей деревнѣ.

Деревня ожила. Заскрипѣли грубымъ недовольнымъ басомъ ворота, теноркомъ вторять имъ, наклоняясь надъ колодцами, длинныя жерди-журавли. Славильщиковъ—тьма. Они быстро перебѣгаютъ отъ одной избы къ другой, торопятся, пока не кончился звонъ. Кончится звонъ—запрутъ всѣ ворота. По всѣмъ улицамъ длинными вереницами потянулся народъ къ церкви. Тяжелыя двери церкви то и дѣло отворяются; дверной блокъ пронзительно визжитъ. Каждый вошедшій покупаетъ у старосты свѣчку и ставитъ ее, пока не зажигая, на подсвѣчникъ. Въ церкви еще полумракъ.

Прошелъ на клиросъ псаломщикъ Тимоѳей Хрисанфовичъ, котораго мужики зовутъ попросту „Крысанычъ.“ Косичка его расплетена и обильно умаслена лампаднымъ масломъ. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе: пѣвчіе-любители, да и многіе изъ прихожанъ твердо знаютъ, что если у Крысаныча „виски“ распущены, то, значитъ, праздникъ великій, и онъ, Крысанычъ, облачится въ стихарь, и за обѣдней будутъ пѣться антифоны. Пришелъ батюшка за нимъ въ алтарь проходить и Крысанычъ. Дѣйствительно чрезъ минуту послѣдній возвращается на клиросъ въ стихарѣ. Благовѣстъ прекращается, начинается трезвонъ. Вся жизнь теперь сосредоточена въ церкви. По улицѣ рѣдко-рѣдко пройдетъ запоздавшій богомолецъ. Славильщики тоже всѣ въ церкви.

Маленькіе изъ нихъ крѣпко держатся за карманъ, полагая что и въ церкви иайдется не мало любителей легкой наживы, которые были бы очень не прочь поживиться тяжело заработанными копейками.

Начинается чтеніе великаго повечерія; читаетъ любитель. Предъ пѣніемъ „Яко съ нами Богъ“ Крысанычъ надѣваетъ желѣзныя, круглыя очки съ веревкою вокругъ головы, — мужики называютъ такія очки почему — то лошадиными. — На клиросѣ поднимается откашливанье, сморканье. Крысанычъ строго чрезъ очки осматриваетъ пѣвчихъ, „Разумѣйте языцы и покарайтесь!“, грянуло вдругъ съ клироса. Задремавшіе подъ однообразное чтеніе мужички встрепенулись и начинаютъ усиленно креститься, громко стуча пальцами по жесткимъ тулупамъ и полушубкамъ. Утренія идетъ своимъ чередомъ. Пѣніе далеко не отличается стройностью, пѣвцы врутъ самымъ откровеннымъ образомъ, не конфузясь, но поютъ зато, какъ говорится, съ большою душой.“ Это чувствуется молящимися, — они съ усердіемъ и молятся, многіе умиляются. Приближается время пѣть „Христось рождается,“ Крысанычъ опять строго осматриваетъ пѣвчихъ, какъ полководецъ передъ битвой. Сдѣлали поползновеніе спѣть „Христось раждается“ нотное, но не вышло: спутались, замолчали, но не сконфузились и громогласно начали пѣть попросту.

Утренія окончилась. Двери церкви широко распахнулись. Громадные клубы пара вырываются наружу. Толпа молящихся выходитъ изъ церкви. Ребятишки кричатъ, визжать перекликаются. Бабъ совсѣмъ было мало въ церкви; однѣ старушки да дѣвицы, а бабамъ некогда дома, — состряпней работы по горло. — Улицы на полчаса оживляются и опять тихо.

Свѣтаетъ. Звѣзды гаснутъ одна за другою. Все болѣе и болѣе разгорается румяная морозная, какъ дѣвица красная, заря утренняя. Вотъ вошло ясное солнышко, брызнуло золотыми лучами, заиграло милліонами искръ по дѣвственно-чистому снѣгу...

Бумъ... Заблаговѣстили къ обѣднѣ.

Опять потянулись по улицамъ вереницы полушубковъ и зипуновъ, опять церковь радушно раскрываетъ передъ всѣми дверь.

Наконецъ кончилась и обѣдня. Солнце, уже высоко поднявшееся на ясномъ безоблачномъ небѣ, играя лучами, радостно встрѣчаетъ выходящихъ изъ церкви. Слышатся поздравленія, оживленные разговоры ..

Слава Тебѣ, Господи! Дождались и мы Великаго Праздника.

Священникъ *С. Васильевъ.*
